

Будет, будет и будет: о семантике времени в мишарском диалекте татарского языка*

Мишарский диалект татарского языка, как и литературный татарский, как и большинство тюркских языков, как и огромное количество других генетически и ареально независимых языков, имеет более одного грамматического способа обращения к ситуациям в будущем. В этой статье обсуждается на теоретическом и типологическом фоне семантика трех глагольных форм мишарского диалекта, которые мы называем Презенсом, Футурумом 1 и Футурумом 2. В разделе 1 мы знакомим читателя с грамматическими единицами, выражающими в мишарском диалекте временную референцию к будущему. Раздел 2 содержит основные сведения о типологических наработках в области анализа глагольных категорий «будущего времени». Несколько теоретико-модельных подходов к анализу будущего времени представлены в разделе 3. Раздел 4 показывает, с какими трудностями сталкиваются выдвинутые в литературе идеи в применении к мишарскому материалу. Наконец, в разделе 5 формулируется гипотеза о дистрибуции одной из трех временных форм, которая, мы надеемся, позволяет подойти к объяснению ее характеристик лучше, чем предлагавшиеся до сих пор альтернативы.

1. Три формы

В мишарском диалекте имеется три формы с временной референцией к будущему — Футурум 1, Футурум 2 и Презенс. Они иллюстрируются примерами из «Анкеты по виду, времени и модальности» (ТМАQ, см. [Dahl 1985]) в (1)—(3).

(1) Футурум 1

ul xat jaz-a-r.

он письмо писать-ST-POT

‘{— Как ты считаешь, что сделает твой брат, если ты к нему не приедешь?} — Он напишет письмо’. [ТМАQ 15¹]

(2) Футурум 2

ul xat-lar jaz-ačak.

он письмо-PL писать-FUT

‘{— Мой брат устроился на работу. — И что чем он будет заниматься?} — Он будет писать письма’. [ТМАQ 27]

(3) Презенс

ul sumka-da taš sal-sa-ŋ, ezel-ä.

этот сумка-LOC камень класть-COND-2.SG рваться-ST

‘Если положишь камень в эту сумку, она порвется’. [ТМАQ 79]

Примеры (1)—(3) иллюстрируют первую реакцию носителей на стимульный материал. Они показывают, что в контекстах с временной референцией к будущему допускаются два Футурума и Презенс. Возникает, однако, вопрос о том, какова их дистрибуция и чем она обусловлена.

Л. Т. Махмутова [Махмутова 1978: 145] отмечает, что форма Футурума 2 («будущее категорическое») для мишарского диалекта, в отличие от литературного татарского, нехарактерна, однако делает исключения для сергачского и чистопольского говоров, на которые опирается наше исследование. В этих говорах Футурум 2 засвидетельствован, хотя, по всей видимости, можно говорить о его более низкой частотности, чем в среднем в татарском языке. По данным письменного корпуса татарского языка [ПКТЯ],

* Исследование поддержано грантом РГНФ № 15-04-0370. Автор искренне признателен А. М. Галиевой за содержательное и глубокое обсуждение материала татарских будущих времен. Статья опирается на полевые данные, собранные в ходе экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики по изучению мишарского диалекта татарского языка в 1999—2000 и 2011—2012 гг. (с. Татарский Елтан и Кутлушкино Чистопольского района Республики Татарстан и Рыбушкино Краснооктябрьского района Нижегородской области). Автор выражает сердечную благодарность всем информантам-переводчикам, которые работали с экспедицией, и двум анонимным рецензентам «Урало-алтайских исследований», высказавшим важные соображения и пожелания по прочтении первого варианта статьи.

¹ Число обозначает номер диагностического предложения в ТМАQ.

среди форм будущего времени на Футурум 1 («Будущее неопределенное») приходится 43% токенов, остальное — употребления Футурума 2. В нашем корпусе мишарских текстов [Пазельская, Татевосов forthc.] Футурум 2 не встречается вовсе (Футурум 1 — 15 токенов), а в ТМАQ соотношение составляет два Футурума 2 на семь Футурумов 1. Тем не менее, Футурум 2 свободно понимается и спонтанно порождается носителями.

В описаниях татарского языка сформулированы определенные интуитивные представления о семантических различиях Футурума 1 и Футурума 2. В. Н. Хисамова [Хисамова 2005: 13—14], например, отмечает, что «будущее неопределенное... выражает объективное действие в будущем», имеет «синтагматическое значение предположительности будущего действия» и «может выражать также оттенки модальных значений возможности и императивности». Напротив, «будущее категорическое время... выражает будущее действие с модальным значением категоричности» и «в зависимости от контекста может передавать значение долженствования». В [ТГ 1993] отмечается, что «значением формы будущего неопределенного времени является выражение действия, следующего за моментом речи, нейтрального в модальном отношении (например: *алырмын* ‘я возьму’)», тогда как «значением формы будущего категорического времени является выражение действия, следующего за моментом речи и сопровождаемого значением категоричности (например: *алачакмын* ‘я непременно возьму’)». То, что Презенс «широко употребляется в значении будущего категорического времени» в мишарском диалекте, отмечает Л. Т. Махмутова [Махмутова 1978: 143]. Д. Г. Тумашева [Тумашева 1986: 54 et seq.] указывает на немаркированный характер будущего неопределенного: «форма на *-p/-мас* является немаркированным членом, не выражающим, но и не исключающим категоричность и неопределенность». Близкий взгляд на предмет представлен и в недавней работе М. Н. Закамулиной и Г. Ф. Лутфуллиной [Закамулина, Лутфуллина 2015: 223—225].

Описания такого рода оставляют, однако, не полностью решенными две проблемы. Во-первых, понятия, на которые они опираются («модальное значение категоричности», «объективное действие» и т. п.), слишком нечетки, чтобы с их помощью можно было выстроить теорию, предсказывающую дистрибуцию футуральных граммем. Во-вторых, сама эта дистрибуция, как отметил Э. Даль [Dahl 2000: 317], говоря об аналогах тюркских будущих времен в европейских языках, слишком далека от «структуралистского идеала, когда система характеризуется четкими оппозициями и простыми соотношениями значений». Последняя проблема проявляется в том, что системы типа мишарской практически никогда не дают исследователю возможности построить минимальные пары, в которых исследуемые формы обнаруживали бы явный семантический контраст.

2. Типология будущего

Затруднение, на которое указывается в конце предыдущего раздела, присуще далеко не только татарской системе будущих времен. Вероятно, именно из-за него один из самых масштабных и подготовленных проектов в области типологического исследования будущего времени — исследование грамматических показателей в языках Европы в рамках программы Eurotyp — принес более чем скромные результаты [Dahl 2000]. Было выявлено несколько «семейств» грамматических показателей с временной референцией к будущему, но сделало на удивление мало обобщений по поводу их семантики. Исследование опиралось на анкетную методологию, впервые успешно опробованную в [Dahl 1985]; для сбора материала по временным системам европейских языков авторы использовали «Анкету по временной референции к будущему» (FTRQ).

Основные семантические параметры, которыми оперировали исследователи, называются когнитивная база и временная удаленность. Когнитивная база — это эпистемическое основание для утверждения о ситуации в будущем. Согласно [Dahl 2000: 300 et seq.], этот параметр принимает три значения:

- (4) а. Утверждение опирается на намерение говорящего участвовать в описываемой ситуации (1st person intention).
- б. Утверждение опирается на информацию о намерении агенса участвовать в описываемой ситуации (3rd person intention).
- с. Утверждение не опирается на информацию о намерениях и представляет собой чистое предсказание (prediction).

Временная удаленность, или временная дистанция — это расстояние от фокусного времени в будущем до дейктического центра (в независимом предложении — момента речи). В системе Э. Даля этот параметр принимает четыре значения:

- (5) а. 'Немедленно'.
 б. 'Сегодня вечером'.
 в. 'Завтра'.
 д. 'В более удаленном будущем'.

Разным значениям параметров, как и всегда в анкетном исследовании, соответствуют разнообразные предложения FTRQ. Большинство предложений представляет собой комбинацию значений обоих параметров. Несколько примеров показано в (6)–(8).

- (6) (4a) + (5a)
 Говорящий о своих самых ближайших планах:
 Я ЕХАТЬ в город. [FTRQ 37]
- (7) (4b) + (5b)
 Говорящий о планах третьего лица на вечер:
 Он ПИСАТЬ письмо. [FTRQ 57]
- (8) (4c) + (5c)
 Мой брат очень устал.
 Он завтра поздно ПРОСНУТЬСЯ. [FTRQ 44]

Изучив системы временной референции к будущему, авторы обнаружили в европейских языках примерно ту же картину, которую мы видим в мишарском диалекте: несколько конкурирующих категорий, отсутствие строгих запретов и некоторые более или менее (чаще менее) отчетливые статистические предпочтения.

Например, во французском языке представлены три категории — синтетическое будущее время (такое, как *je travaillerai* 'я буду работать'), конструкция с глаголом *aller* (например, *il va travailler* 'он будет работать') и настоящее время (*je travaille*), — которые могут описывать ситуации в будущем. Выяснилось, что синтетическое будущее в контекстах типа (5d) («более удаленное будущее») примерно в десять раз более частотно, чем конструкция с *aller*. В контекстах типа (5a) частотность этих форм различается в шесть раз, но уже в пользу *aller*. Настоящее время показывает трехкратный перевес (5a) по сравнению с (5d). По параметру «когнитивное основание» картина складывается менее отчетливая. У синтетического будущего предиктивные, (4c), и интенциональные, (4a) + (4b), употребления распределены примерно поровну; у *aller* несколько выделяется (4b), а у настоящего времени — (4a).

Выявление таких тенденций и закономерностей, безусловно, крайне важно. Однако из них, к сожалению, вытекает крайне мало семантических обобщений в строгом смысле. Предположим, что формы типа *je travaillerai* и *il va travailler* во французском языке — это действительно нечеткие категории, с размытой периферией и более плотным семантическим ядром. Для *je travaillerai*, в частности, ядро образуют предсказания об удаленных ситуациях в будущем, а для *il va travailler* — описание ближайших намерений агенса, отличного от говорящего [Dahl 2000: 316]. Вопрос, который остается без ответа в этом месте, — что обуславливает присутствие в ядре именно такой комбинации значений двух логически независимых параметров.

В этом месте велик соблазн начать псевдосемантические рассуждения: удаленное будущее менее подвержено планированию, поэтому, когда мы говорим о нем, мы подаем наше высказывание как чистое предсказание, а не как изложение наших собственных намерений или намерений третьих лиц. Но если бы это было так просто, действие этого принципа прослеживалось бы в дистрибуции любой категории с временной референцией к будущему более или менее в любом языке. Между тем, по всей видимости, это не так. Испанское синтетическое будущее по параметру (4) похоже на французское: оно имеет приблизительно такое же частотное распределение предиктивных и интенциональных контекстов. Однако с точки зрения временной дистанции оно предпочитает (5b) и (5c), а в контекстах (5d) его частотность, напротив, значительно падает [Dahl 2000: 315–318].

Становится ясно, что описание футуральных грамматических показателей, к которому подводит нас методология с двумя параметрами, распределенными по предложениям FTRQ, упускает какие-то существенные семантические обобщения.

Примечательно, что в [Dahl 2000] вовсе не упоминается тот параметр, который стоит за описаниями различия татарских будущих времен в тюркологической литературе, а именно: параметр «категоричности» или «неопределенности», отмеченный, в частности, у Д. Г. Тумашевой [Тумашева 1986: 54–57]².

² «Форма на *-ачак*, — пишет Д. Г. Тумашева, — обозначает действие, следующее за моментом речи и сопровождаемое модальным значением категоричности» [Тумашева 1986: 57]. «Синтагматические значения» формы на *-р*,

Этот параметр явно имеет модальную природу, однако сделать его в достаточной степени эксплицитным крайне трудно. Связана ли категоричность с эпистемической оценкой вероятности пропозиции, с ее ожидаемостью или с каким-то еще модальным понятием? Понимая модальность как квантификацию по возможным мирам (см. внушительную литературу по предмету, в первую очередь [Portner 2009] и [Kratzer 2012]), должны ли мы анализировать будущее как квантор всеобщности, квантор существования или, возможно, как квантор типа большинство? Если будущее — это модальный оператор, то какова модальная база и упорядочивающее множество для этого оператора? Как модальность соотносится с идеей намеренности, которой оперируют параметры в (4a—с)? Э. Даль и его коллеги не обсуждают эти вопросы (вероятно, предполагая, что «категоричность модальности», о которой толкуют грамматики, или сводима к намеренности, или по крайней мере выводима из нее).

3. Семантика будущего

Последовательный модальный анализ системы показателей временной референции к будущему в теоретико-модельных терминах предлагается в [Copley 2009], одной из самых полных и формальных семантических теорий будущего времени из сегодня имеющихся. Теория Б. Копли опирается преимущественно на материал английского языка, однако обсуждаются и турецкие данные, имеющие к нашему сюжету более непосредственное отношение.

Минимально входя в детали, мы изложим общие идеи этой теории. Б. Копли различает два типа категорий — собственно «футурумы» (futures) и «футуриды» (futures). В английском языке ко второй категории относятся употребления прогрессива и простого настоящего, иллюстрируемые в (9) и (10). В русской традиции и те, и другие обычно называются настоящим запланированного будущего.

(9) *John is working tomorrow.*

(10) *John works tomorrow.*

Английские футурумы также распадаются, согласно Б. Копли, на две разновидности, представленные в (11)—(12). В известной русскому типологически-ориентированному читателю терминологии (11) часто называется проспективом.

(11) *John is going to work tomorrow.*

(12) *John will work tomorrow.*

Все четыре иллюстрируемых в (9)—(12) способа описания ситуации в будущем имеют общий семантический компонент. Это модальный оператор, который Б. Копли обозначает как ALL_b . Его функция — универсальная квантификация по возможным мирам. Оператор устанавливает отношение между четырьмя объектами — временным интервалом, возможным миром, предикатом над возможными мирами и сущностью, которая называется Повелитель (director). ALL_b показан в определении (13), где используется несколько более неформальный метаязык, чем в исходном тексте Б. Копли.

(13) Предложение вида $ALL_b(d)(Q)$ истинно в мире w на интервале t тогда и только тогда, когда в любом мире w' , метафизически доступном из мира w на интервале t и совместимом с обязательствами Повелителя d в мире w на интервале t , имеет место $Q(w')$

Определение (13) содержит два существенных понятия: **Повелитель** и **метафизически доступный мир**. Понятие метафизически доступного мира просто: для любого мира w и интервала t метафизически доступны все миры, которые идентичны миру w по t не включительно. Иными словами, для любого мира метафизически доступны те миры, которые разделяют с ним прошлое, но, возможно, различаются будущим.

Модальный оператор ALL_b , представленный в определении (13), — общий элемент предложений в (9)—(12). Любое высказывание о будущем, согласно Б. Копли, — это высказывание о метафизически доступных мирах. Например, (10) истинно в нашем мире в 15:32 8 июня 2016 года, если во всех мирах, идентичных нашему до этого момента, Джон работает на некотором интервале, расположенном внутри 9 июня 2016 года.

К (13) прилагается пресуппозиция (14):

(14) Повелитель направляет пропозицию p в мире w на интервале t .

с другой стороны, — «будущее действие с оттенком предположительности» и «категоричность действия» [Тумашева 1986: 55].

(14) раскрывается в определении (15):

(15) Повелитель направляет пропозицию p в мире w в момент t (где пропозиция — это множество миров), если и только если с точки зрения истинности p множество метафизически доступных миров, в которых все происходит в соответствии с волей Повелителя в w и t , совпадает с множеством всех метафизически доступных миров

Согласно (15), метафизически доступные миры, которые подвергаются квантификации с помощью модального элемента ALL_b , и миры, в которых реализуются желания повелителя, — это одни и те же миры. Иными словами, Повелитель обладает способностью сделать метафизически доступные миры такими, какими он хочет их видеть. Например, когда начальник говорит подчиненным предложение (10), он исходит из того, что именно от его воли зависит будущее Джона (и подчиненные знают это).

Повелитель может быть ясен из контекста, но может и совпадать с актантом предиката. Наиболее естественное понимание (10) — с контекстно-зависимым повелителем. Но (10) с равным успехом описывает и ситуацию, в которой все происходит в соответствии с планами и предназначениями агенса, т. е. Джона.

Повелитель фигурирует не только в пресуппозиции в (14), но и в ассертивной части модального оператора в (13). Первая требует, чтобы Повелитель был в состоянии обеспечить реализацию своих желаний во всех метафизически доступных мирах. Вторая гарантирует, что у Повелителя есть нацеленность на то, чтобы так и произошло.

Повелитель, согласно Б. Копли, имеет две ипостаси: это или одушевленный агенс, наделенный волей и способностью к целеполаганию, или то, что можно обозначить как порядок вещей. (9)—(12) и (17b) при наиболее естественном понимании соответствуют первой возможности. Примеры второй возможности показаны в (16) и (17a):

(16) *The meteorite impacts tomorrow at 5:13 a.m.*
‘Метеорит столкнется с Землей завтра в 5:13 утра’.

(17) *I think that I will go to Harvard Square tomorrow...*
‘Я думаю, что я пойду завтра на Гарвард-сквер...’
a. *...I've been meaning to get some shopping done.*
‘Была мысль заняться легким шопингом’.
b. *...that's just the kind of thing I might do.*
‘Бывает со мной такое’.

Уверенность говорящего в том, что ситуация в будущем осуществится, может происходить из двух источников, подытоживает Б. Копли [Copley 2009: 61]. Один источник — информация о том, что некто (возможно, агенс, возможно, другое лицо) способен обеспечить реализацию события и имеет намерение или обязательства сделать это. Другой источник — знания о том, что ситуация в будущем обусловлена имманентными свойствами мироздания. Нетрудно увидеть, что такой анализ очень близок к идеям Э. Даля о том, что все множество футуральных контекстов распадается без остатка на интенциональные и предиктивные. Интенциональное будущее Э. Даля — это будущее с одушевленным Повелителем у Б. Копли. Предиктивное будущее — это когда Повелитель представляет собой естественный порядок мироздания.

Мы перечислили семантические компоненты, которые (иногда с несущественными нюансами) Б. Копли полагает общими для всех типов предложений, описывающих будущее. С чем связаны различия?

Различия внутри футурумов (т. е. между *will* и *be going to*) и футуроидов (т. е. между простым настоящим и прогрессивом) сводимы, полагает Б. Копли, к аспектуальности. Ее аргумент, касающийся футурумов, строится вокруг ограничения, иллюстрируемого в (18):

(18) Контекст: Профессор обращается к студентам в конце семинара:
— Граждане, а кто теперь сварит нам всем кофе?
Один из студентов проявляет инициативу:
a. — *I will make coffee.*
b. — *#I am going to make coffee.*
‘Я сварю кофе’.

(18a) — это предложение говорящего возложить на себя варку кофе. (18b), с другой стороны, — не предложение и вообще не ответ на запрос профессора. Это информация о том, что запрос был излишним, поскольку говорящий планирует варить кофе независимо от него. Речевой акт предложения, таким образом, возможен с *will*, как в (18a), но невозможен с *be going to* в (18b).

Объяснение Б. Копли складывается из двух компонентов: условия уместности речевого акта предложения и того обстоятельства, что (18b) — это форма прогрессива.

Перечислим сначала условия уместности. Во-первых, любое предложение ('давай я сделаю для тебя р') уместно постольку, поскольку слушающий хочет, чтобы имело место р. Клауза, выражающая предложение, таким образом, имеет (чаще всего непроизносимый) условный компонент:

(19) Если ты хочешь р, я сделаю р

Во-вторых, предложение является предложением только тогда, когда р не навязывается слушающему помимо его воли. Кроме (19), должно выполняться условие в (20):

(20) Если ты не хочешь р, я не сделаю р.

Произнося предложение вида (18a), говорящий сообщает: «Во всех метафизически доступных мирах, в которых ты хочешь, чтобы р, по моей воле будет р. В соответствии с (20), во всех метафизически доступных мирах, в которых ты хочешь, чтобы было не-р, по моей воле будет не-р».

Важная интуиция носителей английского языка состоит в следующем: (19) совместимо и с (18a) и с (18b). Однако (20) и (18b) ощущаются как несовместимые (или, по крайней мере, как некогерентные) утверждения. Именно этим обусловлена семантическая аномальность (18b) как предложения. Понять, почему это так, помогает второй, аспектуальный компонент теории.

Согласно предположению Б. Копли, в форме с *be going to* поверх модального оператора применяется оператор прогрессива. Форма с *will* содержит только оператор ALL_b . Это показано в (21a-b):

(21) a. $be\ going\ to \equiv [\dots [\dots PROG [\dots ALL_b [\dots]]]]$
 b. $will \equiv [\dots [\dots [\dots ALL_b [\dots]]]]$

Семантика предложения с *will*, соответственно, получается применением оператора ALL_b к пропозиции 'я сварил кофе'. Это дает (22):

(22) Предложение (18a) истинно в мире w на интервале t тогда и только тогда, когда в любом мире w' , метафизически доступном из мира w на интервале t и совместимом с обязательствами Повелителя d в мире w на интервале t , имеет место ситуация 'я сварил кофе'

Семантика предложения (18b) получается, согласно предположению, дополнительным применением оператора прогрессива. Б. Копли [Copley 2009: 50] использует немодальную версию этого оператора.

(23) Пропозиция $PROG\ p$ истинна в мире w на интервале t , если пропозиция p истинна в этом же мире на интервале t' , $t \subset t'$ и t — неначальный подынтервал t' .

В рассматриваемой конфигурации роль p играет пропозиция в (22), которая получается соединением модального оператора ALL_b со своими аргументами. Применяя (23) к (22), мы получаем следующее описание значения предложения (18b):

(24) Предложение (18b) истинно в мире w интервале t тогда и только тогда, когда в мире w имеется интервал t' , $t \subset t'$ и в любом мире w' , метафизически доступном из мира w на интервале t' и совместимом с обязательствами Повелителя d в мире w на интервале t' , имеет место ситуация 'я сварил кофе'

Сравним два множества миров, подвергающихся квантификации. И в том и в другом случае во всех квантифицируемых мирах имеет место ситуация 'я сварил кофе'. Однако в (24) квантификации с помощью ALL_b подвергается большее множество миров, чем в (22).

Действительно, в (24) ALL_b оперирует на большем интервале (t'), чем в (22) (t). Согласно определению прогрессива в (23), этот больший интервал с необходимостью начинается раньше. Следовательно, у миров, по которым происходит квантификация в (24), более короткое общее прошлое. Более короткое общее прошлое означает больше метафизических альтернатив. Это показано на *Схемах 1 и 2*, где альтернативы изображаются как ветвящиеся линии:

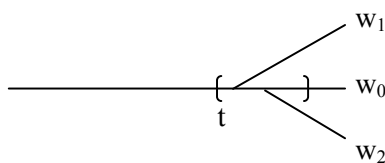

Схема 1

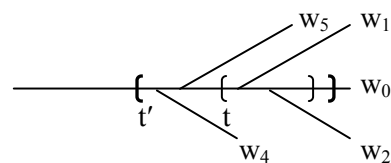

Схема 2

До объяснения несовместимости предложения (18b) с утверждением в (20) остается один шаг. (19) имеет логическую структуру, приведенную в (25) (непроизносимая условная клауза сделана в нем эксплицитной):

$$(25) p(w)(t) = 1 \Rightarrow \text{PROG ALL}_b(d)(q)(w)(t)$$

где p = ‘ты хочешь, чтобы я сделал кофе’, а q = ‘я сделал кофе’

Условие (20) применительно к интересующему нас предложению имеет структуру, которая показана в (26):

$$(26) \neg p(w)(t) = 1 \Rightarrow \text{ALL}_b(d)(\neg q)(w)(t)$$

Возьмем мир w и интервал t , где $p(w)(t) = 1$. Для w и t нет метафизически доступных миров, где $\neg p$: с точки зрения p они все должны быть устроены одинаково. $\neg p$ метафизически доступно только в прошлом по отношению к t , как показано на *Схеме 3*. В прошлом у мироздания были возможности развиваться по линии $\neg p$, но после того, как наступило p , они, естественно, закрылись.

Теперь предположим, что (25) в целом истинно в мире w на интервале t и, следовательно, $\text{PROG ALL}_b(d)(q)(w)(t)$ истинно в w и t . Согласно (24), в этом случае в w есть интервал t' , $t \subset t'$, такой, что все миры, метафизически доступные на этом интервале, — это миры, в которых верно q . Это показано на *Схеме 4*.

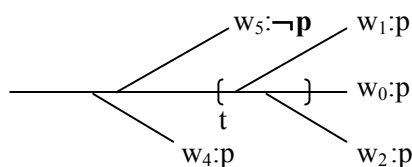

Схема 3

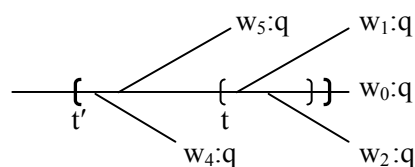

Схема 4

Но поскольку t' простирается в прошлое, в котором $\neg p$ метафизически доступно, среди q -миров, о которых идет речь, могут оказаться $\neg p$ -миры. Это показано на *Схеме 5*, которая представляет собой контаминацию *Схем 3* и *4*. Мир, где q имеет место одновременно с $\neg p$, — это w_3 .

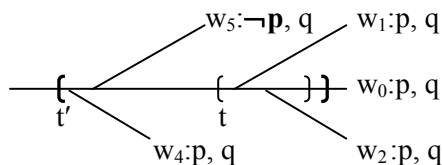

Схема 5

В этом случае, однако, оказывается, что (20)/(26) ложно. (20)/(26) требует, чтобы все релевантные $\neg p$ -миры были $\neg q$ -мирами, однако на *Схеме 5* это не так: требование нарушается для мира w_3 .

В переводе на русский язык это означает следующее. Чтобы осуществился речевой акт предложения ‘я сделаю кофе’, должны выполняться два условия: ‘я сварю кофе, если ты хочешь этого’ и ‘я не сварю кофе, если ты не хочешь этого’. Однако выбор формы *be going to* нарушает второе условие. Выбирая эту форму, говорящий сообщает: ‘Я сварю кофе (q) и в том случае, если ты хочешь этого (p , миры w_0 — w_2 , w_4 на *Схеме 5*), и в том случае, если ты не хочешь этого ($\neg p$, мир w_3).

Это объясняет, почему *be going to* звучит аномально в качестве предложения. Согласно Б. Копли, контекст этого типа — едва ли не единственный, где дистрибуция *will* и *be going to* близка к дополнительной.

Несколько слов о том, чем различаются футурумы в целом и футуроиды в целом. Самое яркое отличие футуроидов (о котором, правда, Б. Копли пишет вскользь и которое она не анализирует) — то, что у них есть ограничение, которого нет у футурумов. Оно иллюстрируется контрастом в (27)—(28):

- (27) а. *It is raining tomorrow.
 б. *It rains tomorrow.

- (28) а. It is going to rain tomorrow.
 б. It will rain tomorrow.

(27) предлагает принять к сведению, что мир устроен так, будто в нем есть инстанция, от воли которой зависит, будет ли завтра дождь. Поскольку здравый смысл подсказывает нам, что на самом деле та-

кой инстанции нет, предложения (27a—b) звучат как семантически аномальные. В (28a—b) аналогичного эффекта не возникает.

Вопрос о том, за счет чего возникает различие между футурами и футуроидами, которое мы видим в (27)—(28), сопротивляется быстрым и простым ответам. В частности, неверен самый напрашивающийся ответ: завтрашний дождь, в отличие, скажем, от завтрашней работы, нельзя запланировать. Говоря словами Б. Копли, (27a—b) не могут быть неприемлемы потому, что в нашем мироздании невозможен такой Повелитель, который направляет пропозицию ‘завтра будет дождь’. Падение метеорита в (16) невозможно запланировать в той же степени, что и дождь, однако проблемы с Повелителем не возникает. Дело в том, заключает Б. Копли, что за падение метеорита отвечают регулярные, систематические, законоподобные аспекты мироздания: зная координаты метеорита, его массу, скорость и т. д., мы можем с точностью предсказать время и место падения. Дождь, напротив, зависит от случайных, однократных, невоспроизводимых от ситуации к ситуации обстоятельств.

Эти соображения кажутся интуитивно убедительными, однако сделать интуицию эксплицитной крайне трудно, и в [Copley 2009] такая попытка даже не предпринимается. В [Copley 2014] Б. Копли подходит к проблеме с другой стороны — со стороны структуры каузальной цепочки, связывающей ситуацию из экстенционала предиката и некоторое другое положение дел. Не имея возможности обсудить это подробно, мы отсылаем читателя к первоисточнику.

Идеи, высказанные в [Copley 2014], отчетливо перекликаются с более ранней работой [Vet 1994], использующей метаязык теории репрезентации дискурса. Теория предполагает трехчленное противопоставление, определяемое следующими двумя параметрами:

- (29) а. Наличие в актуальном мире ситуации, которая каузирует ситуацию из экстенционала предиката.
 б. Временная локализация такой ситуации в прошлом или настоящем.

Система будущих времен, соответственно, принимает следующий вид:

- (30) Каузирующая ситуация локализована в прошлом: футуроиды
 Каузирующая ситуация локализована в настоящем: *be going to*
 Информация о каузирующей ситуации не входит в содержание пропозиции: *will*

Когда используются футуроиды («настоящее запланированного будущего») типа (9)—(10), говорящий, делая утверждение о ситуации e в будущем, опирается на знание о ситуации e' , которая и мела место до момента речи и которая должна повлечь за собой e , если естественный ход событий не будет нарушен. Форма *be going to* (проспективное будущее) предполагает, что утверждение о ситуации e в будущем опирается на знание о ситуации e' , которая имеет место в момент речи и которая должна повлечь за собой e , если естественный ход событий не будет нарушен. Проспектив и запланированное будущее, таким образом, различаются временной локализацией каузирующей ситуации. Если каузирующая ситуация не включается в содержание сообщения, мы имеем дело с предиктивным будущим в чистом виде: утверждение о ситуации e в будущем опирается на общие знания, логику, интуицию, но не на знание о какой-либо реальной ситуации, которая имела место до или имеет место в момент речи.

В теории такого типа проспективы и футуроиды образуют естественный класс по одному параметру: в момент речи имеет место некоторое положение вещей, ведущее к возникновению события из экстенционала предиката. Для проспектива это верно непосредственным образом, для футуроидов более опосредованным. Если каузирующая ситуация осуществилась вчера, а каузируемая последует завтра, в момент речи в физическом мире может вовсе ничего не происходить. Тем не менее, в любой временной точке верно, что мир становится ближе к реализации описываемой ситуации — просто в силу течения времени. Объединение футуроидов и проспективов в естественный класс отражается в интуитивных суждениях носителей. Носители обычно не испытывают затруднений с тем, чтобы оценить истинность футуроидов и проспективов применительно к моменту речи. Суждения о предиктивном будущем значительно более неоднозначны: многие носители отказываются охарактеризовать такие предложения как истинные или ложные в момент речи.

4. Некоторые обобщения

Совершив этот длительный и отнюдь не исчерпывающий экскурс в область семантических исследований футуральности в языках, далеких от мишарского диалекта, мы можем вернуться к мишарским данным. Вывод, который нам предстоит сделать, однако, не слишком утешителен: они не укладываются явным образом в те семантические противопоставления, которые обсуждались выше. Тем не менее, они

несколько сужают диапазон открытых возможностей, позволяя исключить значительную часть из них как эмпирически неадекватную. Мы надеемся, кроме того, что результаты этой статьи будут полезны в контексте теоретических работ татарских исследователей темпоральности, в первую очередь Д. Г. Тумашевой [Тумашева 1986] и Ф. М. Хисамовой [Хисамова 2006].

4.1. Презенс и футуроидность³

Исходя из того, что в крупных языках Европы презенсы могут функционировать как футуроиды, но не как футурумы, сходного поведения можно было бы ожидать от мишарского Презенса.

Презенс, действительно, возможен в футуроидных контекстах, в частности, в контекстах с агентивным повелителем в терминах Б. Копли. Эта возможность показана в (31):

- (31) Контекст: Начальство посылает нас в колхоз, так что
irtägä bez tütel-lär kaz-ı-bız.
 завтра мы грядка-PL копать-ST-1.PL
 ‘Завтра мы будем копать грядки’.

Выясняется, однако, что дистрибуция Презенса значительно шире. В (32)—(33) мы видим его в контекстах, где Повелитель — это естественный порядок вещей, причем наступление описываемой ситуации обусловлено не законами природы, а сочетанием единичных случайных обстоятельств.

- (32) Контекст: Дамир опасно болен.
tizdän ul ül-ä.
 скоро он умирать-POT
 ‘Скоро он умрет’.

- (33) *irtägä jaŋğır jav-a.*
 завтра дождь идти-ST.IPFV
 ‘Завтра пойдет дождь’.

Именно в таком типе контекстов, как мы видели в (27), футуроиды невозможны. Мишарский Презенс, однако, этому ограничению не подчиняется. Из этого, по всей видимости, следует, что перед нами не футуроид или по меньшей мере не такой футуроид, который известен по языкам типа русского и английского.

4.2. Интенциональность

Текстовый пример интенционального будущего показан в (34), где используется Футурум 1.

- (34) *bıxıl bixisap minek xästär-l-ä-de-m, kat,*
 в.этом.году очень.много веник запасть-ST-PST-1.SG возвращаться.IMP
kız-ım, çab-ı-r-mın üz-eñ-ne.
 девочка-1SG парить-ST-POT-1.SG сам-2SG-ACC
 ‘В этом году очень много веников наготовила, приезжай, доченька, парить тебя буду’.

Футурум 1, однако, — не единственная возможность: в интенциональных контекстах допускаются также Презенс и Футурум 2. Они иллюстрируются в (35):

- (35) Контекст: — У Дамира незапланированный выходной. Что он планирует делать?
ul tütel-lär kaz-ı-jaçak / kaz-a.
 он грядка-PL копать-ST-FUT копать-ST.IPFV
 ‘Он будет копать грядки’.

Насколько можно судить по имеющемуся у нас материалу, наличие интенционального компонента в контексте не влияет существенно на приемлемость двух Футурумов и Презенса, хотя, возможно, сказывается на их относительной частотности.

4.3. Степень «категоричности»

Как отмечалось выше, многие грамматические описания татарского языка указывают на «категоричность» как на семантическую характеристику, определяющую дистрибуцию форм с временной рефе-

³ Разделы 1—3 опираются на полевые материалы Ю. Н. Сироткиной [Сироткина 2000].

ренцией к будущему. Попытаться придать этому понятию большую эксплицитность можно несколькими способами. Здесь мы остановимся на одном из них. Категоричность можно понимать как оценку говорящим вероятности наступления описываемой ситуации, или, проще, как степень его уверенности в том, что ситуация будет иметь место.

Оценить степень уверенности говорящего, конечно, невозможно. Однако естественно предположить, что эта степень по крайней мере частично представляет собой проекцию объективной вероятности наступления тех или других ситуаций. Соответственно, манипулируя последней, мы можем ожидать повышения и понижения приемлемости форм будущего времени, если они действительно чувствительны к этому параметру.

(36)—(41) — примеры диагностических контекстов, предполагающих очевидную асимметрию с точки зрения вероятности осуществления описываемой ситуации. В (36)—(38) более вероятно, что сломается старый, а не новый компьютер, в (39)—(41) — что урок выучит отличник, а не двоечник. Соответственно, если гипотеза о категоричности верна, можно ожидать несколько проявлений этой асимметрии.

Во-первых, при эксплицитном сравнении предпочтительности двух форм (Футурума 1 и Футурума 2) в контексте₂ выбор будет систематически склоняться к Футуруму 2 как выражающему более высокую степень уверенности говорящего. В контексте₁ будет наблюдаться противоположная тенденция. Если верно наблюдение Л. Т. Махмутовой (см. выше) о том, что в мишарском диалекте Презенс в футуральных употреблениях также приобретает значение категоричности, можно ожидать, что в контексте₂ он конкурирует с Футурумом 2, а в контексте₁, как и Футурум 2, проигрывает Футуруму 1.

Во-вторых, параллельные ожидания возникают по части первого выбора носителей при предъявлении стимульного предложения на русском языке. В контексте₁ мы ожидаем в качестве первого выбора Футурум 1, а в контексте₂ — Футурум 2. Презенс должен иметь дистрибуцию, соответствующую тем или иным способом дистрибуции Футурума 2, но не Футурума 1.

(36) Контекст₁: Компьютер только что куплен.

Контекст₂: Компьютер очень старый.

tizdän kampjutır watırl-r-r.

скоро компьютер ломаться-ST-POT

‘Компьютер скоро сломается’.

(37) Контекст₁: Компьютер только что куплен.

Контекст₂: Компьютер очень старый.

tizdän kampjutır watırl-açak.

скоро компьютер ломаться-FUT

‘Компьютер скоро сломается’.

(38) Контекст₁: Компьютер только что куплен.

Контекст₂: Компьютер очень старый.

tizdän kampjutır watırl-a.

скоро компьютер ломаться-ST.IPFV

‘Компьютер скоро сломается’.

(39) Контекст₁. Марат — двоечник.

Контекст₂: Марат — отличник.

marat dâres-lâr-ne eşl-â-r.

Марат урок-PL-ACC работать-ST-POT

‘Марат сделает уроки’.

(40) Контекст₁. Марат — двоечник.

Контекст₂: Марат — отличник.

marat dâres-lâr-ne eşl-â-jâçäk.

Марат урок-PL-ACC работать-ST-POT

‘Марат сделает уроки’.

(41) Контекст₁. Марат — двоечник.

Контекст₂: Марат — отличник.

marat dâres-lâr-ne eşl-i.

Марат урок-PL-ACC работать-ST.IPFV

‘Марат сделает уроки’.

Ожидания не подтверждаются. В ходе работы с идиомом с. Татарский Елтан были проведено исследование первого выбора носителей, в котором участвовали 15 опрашиваемых разных возрастов. Результаты по двум предложениям показаны в *Таблицах 1—2*.

Таблица 1

Первый выбор носителей в предложениях (36)—(38)

Первый выбор	Футурум 1	Футурум 2	Презенс
Контекст ₁	5	8	2
Контекст ₂	5	10	0

Таблица 2

Первый выбор носителей в предложениях (39)—(41)

Первый выбор	Футурум 1	Футурум 2	Презенс
Контекст ₁	7	8	0
Контекст ₂	5	8	2

Как видно из таблиц, распределение футурумов по контекстам мало подвержено варьированию. В обоих диагностических случаях Футурум 2 — первый выбор большинства. В (39)—(41) (*Таблица 2*) его доля остается неизменной (8 носителей), при том что выбор некоторых при переходе от контекста₁ к контексту₂ меняется: одни отказались от первого выбора в пользу Футурума 2, другие, напротив, предпочли Футуруму 2 другую форму. В (36)—(38) выбор Футурума 2 (*Таблица 1*) в контексте₂ несколько повышается, однако не меняются предпочтения по Футуруму 1. Презенс в двух предложениях используется в общей сложности четыре раза, причем сначала исключительно в контексте₁, а затем — в контексте₂.

Думается, что, даже не применяя строгих статистических выкладок, можно заключить, что ожидаемой тенденции не прослеживается. Гипотезу о категоричности, по крайней мере наиболее очевидный ее вариант, предполагающий, что категоричность — это оценка вероятности наступления ситуации в будущем, можно отклонить.

4.4. Проспективность

Выше мы обсудили тест, с помощью которого Б. Копли разводит футурумы с *be going to* и *will* (в более привычной русскому типологу терминологии — проспектив и собственно футурум). Это невозможно использовать первый в речевом акте предложения:

- (42) Контекст: — Кто сварит нам всем кофе?
 a. *I will make coffee.*
 b. *#I am going to make coffee.*

Б. Копли отмечает, что турецкие будущие времена, морфологически идентичные татарскому Футуруму 1 и Футуруму 2, с этой точки зрения ведут себя так же, как *will* и *be going to*. Ее примеры [Copley 2009: 82] показаны в (43а—б):

- (43) a. *Ben kahve yap-ar-ım.*
 я кофе делать-AOR-1SG
 ‘Я сделаю кофе’.
 b. *#Ben kahve yap-acağ-ım.*
 я кофе делать-FUT-1SG
 ‘Я сделаю кофе’.

В качестве предложения турецкий аналог Футурума 2 невозможен; в таком контексте допускается лишь форма, соответствующая Футуруму 1, которая в турецких грамматиках обычно называется Аористом.

Мишарский диалект и, по-видимому, татарский литературный язык⁴ в этом отношении устроены так же, как турецкий:

⁴ За обсуждение и оценку литературных аналогов примеров (44)—(46) мы глубоко признательны А. М. Галиевой.

- (44) *teške ašnɣ min äzerl-ä-r-men.*
 полдень-DAT еда-ACC я готовить-ST-POT-1.SG
 ‘Обед я приготавливаю’.
- (45) *teške ašnɣ min äzerl-i-m.*
 полдень-DAT еда-ACC я готовить-ST-IPFV-1.SG
 ‘Обед я приготавливаю’.
- (46) *#teške ašnɣ min äzerl-ä-jäčäk-men.*
 полдень-DAT еда-ACC я готовить-ST-FUT-1.SG
 ‘Обед я приготавливаю’.

В контексте предложения допускается Футурум 1 и Презенс в (44)—(45), тогда как Футурум 2 в (46) воспринимается носителями не как предложение возложить на себя приготовление обеда, а как информация, что это и так закреплено за говорящим.

Говорят ли примеры типа (46) о том, что Футурум 2 представляет собой татарский аналог форм типа английского проспектива?

Положительный ответ на этот вопрос подкрепляется характером интерпретации, которую может иметь аналитическая форма Футурума-в-прошедшем, образующаяся соединением Футурума 2 с вспомогательным глаголом *ide* ‘AUX-PST’:

- (47) *direkter däres-lär-ne almaštɣr-ačak i-de.*
 директор урок-PL-ACC заменять-ST-POT AUX-PST
 ‘Директор должен был / собирался отменить уроки’.

В (47) предложение описывает, по выражению [ТГ 1993: 124], «реальное будущее действие, соотношенное с определенным моментом прошлого». В (47) имеется такой интервал в прошлом, что после него должна была осуществиться ситуация ‘директор отменил уроки’. Эта та же самая интерпретация, которую Футурум имеет без вспомогательного глагола, только сдвинутая на шаг в прошлое.

Футурум 1 при соединении со вспомогательным глаголом ведет себя иначе: он создает контрфактическое предложение:

- (48) *ukɣtučɣ kil-mä-gän bul-sa direkter däres-lär-ne almaštɣr-ɣ-r i-de.*
 учитель приходить-NEG-PFCT быть-COND директор урок-PL-ACC заменять-ST-POT AUX-PST
 ‘Если бы учитель не пришел, директор отметил бы уроки’.

В отличие от (47), (48) содержит указание на то, что ситуация ‘директор отменил уроки’ не имеет места в актуальном мире. Кроме того, временная интерпретация (48) не ограничена прошлым, как видно из сравнения (49) и (50).

- (49) *??irtägä direkter däres-lär-ne almaštɣr-ačak i-de.*
 завтра директор урок-PL-ACC заменять-ST-POT AUX-PST
 ‘Завтра директор собирался отменить уроки’.
- (50) *...irtägä direkter däres-lär-ne almaštɣr-ɣ-r i-de.*
 завтра директор урок-PL-ACC заменять-ST-POT AUX-PST
 ‘... завтра директор отменил бы уроки’.

Таким образом, в случае с формой на *-r ide* мы имеем дело, как это обычно и бывает у контрфактивов, с так называемым «фальшивым прошедшим» [Iatridou 2000: 234 et seq.]. У формы на *-ačak ide* грамма прошедшего времени имеет обычную интерпретацию.

Все это в высшей степени характерно для футурумов типа *will* и проспективов типа *be going to*. У *be going to* вспомогательный глагол *be* отвечает за временную интерпретацию точно так же, как и в других конструкциях:

- (51) *He was going to come.*

Would, прошедшее время от *will*, напротив, создает контрфактические предложения — практически так же, как в татарском языке⁵:

⁵ Единственное различие: формы с *would* имеют более строгие ограничения на временную интерпретацию. У нестативных глаголов, например, форма вида “*would V*” описывает контрфактическое положение дел в будущем, а “*would have V-ed*” — в прошлом.

- (52) *If he left earlier, he would come on time.*
 ‘Если бы он вышел пораньше, он бы пришел вовремя’.

Есть, однако, и причины сомневаться в том, что Футурум 2 — полный аналог английского проспектива.

Во-первых, оценивая истинность предложений с Футурумом 1 и Футурумом 2 применительно к моменту речи, носители испытывают одни и те же затруднения — такие, как в случае с английским футурумом на *will*. Высказывания с футурумами не воспринимаются как высказывания о настоящем, и, соответственно, оценить их истинность применительно к моменту речи затруднительно. В этом отношении Футурум 1 и Футурум 2 ведут себя одинаково и отличаются от формы с *be going to*, которая в конечном итоге представляет собой форму настоящего времени.

Во-вторых, несмотря на то, что форма на *-açak ide* имеет употребления в (47), где прошедшее время интерпретируемо, она допускает и контрфактические употребления, где почти неотличима от формы на *-r ide*. К сожалению, у нас нет данных по мишарскому диалекту, однако [ТГ 1993] дает безусловные примеры такой возможности для литературного языка⁶:

- (53) *Фалина урам-га чык-са, ялгыз-ы бул-ачак и-де.*
 Фалина улица-DAT выходить-COND один-3SG быть-FUT AUX-PST
 ‘Если бы Фалина вышла на улицу, была бы одна’.

Таким образом, в общем случае вопрос о точном определении семантического содержания форм с временной референцией к будущему в мишарском диалекте пока остается открытым. В следующем разделе, впрочем, мы наметим гипотезу, касающуюся Футурума 2.

5. Футурум 2 и скрытое условие

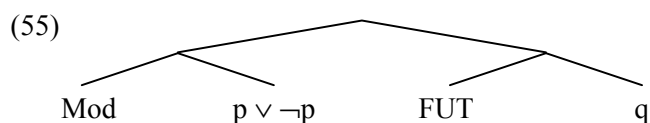
Как мы видели выше, Б. Копли объясняет невозможность *be going to p* в контекстах речевого акта предложения тем, что в таком речевом акте предполагается неизносимый условный элемент ‘если хочешь p’, а также условие ‘если ты не хочешь p, не будет p’. Использование формы *be going to* ведет к тому, что во множество миров, в которых наступает p, входят и те миры, где слушающий хочет, чтобы это произошло, и те, где он этого не хочет. Выполнить условие успешности оказывается невозможным. В теории Б. Копли так происходит по аспектуальным причинам: форма с *be going to* — это прогрессив.

Мы предполагаем, что в семантике мишарского Футурума 2 задействован близкий механизм, который отвечает за его сомнительность в речевом акте предложения и за семантику «категоричности». Однако, учитывая, что в морфеме *açak* нет никаких причин предполагать значение прогрессива, сценарий, который Б. Копли предлагает для *be going to*, представляется маловероятным.

Наша гипотеза о семантике конструкции с формой на *açak* представлена в (54):

- (54) Конструкции с *açak* содержат неизносимый условный элемент вида $p \vee \neg p$, присоединяемый за пределами оператора будущего времени.

Структура предикации Футурумом 2 показана в (55):

где:

q — пропозиция, выражаемая футуральным предложением;

FUT — оператор будущего времени (= ALL_b, Б. Копли, возможно, с уточнениями и дополнениями);

p — несвязанная пропозициональная переменная;

Mod — модальный квантор, используемый при интерпретации условных предложений, чаще всего понимаемый как квантор всеобщности.

Условный компонент в (55) транслируется в значение, которое в русском языке обозначается как *при любых (релевантных) обстоятельствах* или (в разговорном регистре) *всяко*:

⁶ Дистрибуция двух татарских футурумов обнаруживает примечательное отличие от аналогичных форм в турецком языке. По данным в [Jendraschek 2014], турецкий Аорист (футурум на *-r*) в комбинации с показателем ретроспективного сдвига имеет как контрфактические, так и темпоральные прочтения, а форма *açak* — только футуральные.

(56) *Я всяко поеду в Питер* ≈ ‘Неважно имеет ли место контекстно-релевантное положение вещей *p* или нет: и в том и в другом случае я поеду в Питер’.

При такой семантике предложение (46), повторяемое как (57), имеет интерпретацию в (58):

(57) *min teške aš-nx äzerl-ä-jäčäk-men*
я полдень-DAT еда-ACC говорить-ST-FUT-1.SG
‘Я приготовлю обед’.

(58) а. Во всех мирах, где истинна контекстно-релевантная пропозиция *p* или ее отрицание, истинна также пропозиция [FUT ‘я приготовил обед’].
б. Пропозиция [FUT ‘я приготовил обед’] истинна в мире *w* на интервале *t* тогда и только тогда, когда в *w* имеется повелитель *d* и в любом мире *w'*, метафизически доступном из мира *w* на интервале *t* и совместимом с обязательствами Повелителя *d* в мире *w* на интервале *t*, верно, что я приготовил обед в *w'*.

Компонент [Mod [*p* ∨ ¬*p*]] придает Футуруму 2, согласно нашей гипотезе, значение, которое носители воспринимают как «категоричность». «Категоричность» при таком анализе — это метафизическая, но не эпистемическая категоричность: ‘при любых обстоятельствах’, но не ‘я абсолютно уверен’.⁷

Как объяснить сомнительность Футурума 2 в речевых актах предложения? Естественно предположить, что пропозициональная переменная *p* в таких случаях отождествляется с пропозицией ‘слушающий хочет, чтобы *q*’, и тогда этот случай сводится к описанному у Б. Копли. Как и в случае с *be going to*, семантика предложения с Футурумом 2 входит в противоречие с условием ‘если не *p*, не *q*’ (где *p* = ‘слушающий хочет *q*’). Единственное отличие состоит в том, что в ее теории *p* и ¬*p*-миры оказывались среди *q*-миров посредством оператора прогрессива. В (55) эта возможность встроена непосредственно в семантику Футурума 2.

Как представляется, это преимущество, а не недостаток. Футурум с *be going to* — это форма, лишенная «категоричности». Элемент ‘при любых обстоятельствах’, который Б. Копли называет *an up and a tailment*, дает о себе знать лишь в речевых актах предложений, где условный компонент возникает благодаря тому, что мы имеем дело именно с этим речевым актом. Футурум 2 — форма, в которой, согласно (58), этот компонент присутствует всегда и проявляется в любом предложении, а не только в случаях типа (57). Таким образом, нам удастся увязать семантику категоричности с ограничением на речевой акт предложения, избегая допущений, которые специфичны для английского футурума с *be going to*.

Существенный аргумент в пользу этого анализа можно извлечь из таких речевых актов, семантика которых в наилучшей степени соответствуют компоненту [Mod [*p* ∨ ¬*p*]]. А. М. Галиева указала нам на один тип речевых актов, где такое действительно происходит: это обещания, такие как (59):

(59) *min sine mänge jarat-ačak-mxn / ?jarat-x-r-mxn.*
я ты.асс вечно любить-FUT-1.SG любить-ST-POT-1.SG
‘Я буду любить тебя вечно’.

Существенный компонент обещаний (‘я обещаю, что *q*’) — это указание на то, что говорящий приложит усилия к осуществлению *q*, независимо от того, как складываются внешние обстоятельства. Ровно это и выражает клауза [Mod *p* ∨ ¬*p*]. Тем самым уместность и даже предпочтительность Футурума 2 при выражении обещаний типа (59) дает нам важное свидетельство в пользу (55)⁸.

6. На будущее

Полный анализ должен, разумеется, решить еще целый ряд дополнительных проблем, в частности, объяснить факты, представленные в (47)—(50) и (53). Требуется установить, в частности, как из семантики, представленной в (58), возникает контрфактическая интерпретация (53) и в то же время темпо-

⁷ Эти соображения подтверждаются и тем, что Футурум 2 особенно уместен в научных прогнозах (‘Завтра в 12.35 минут случится лунное затмение’ или ‘Если груз отпустить с высоты *H*, то он упадет на землю через 3,467 сек’), на что обратила внимание А. М. Галиева. Действительно, истинность таких утверждений контекстно не обусловлена, и они удовлетворяют ограничению в (55) более или менее тривиальным образом.

⁸ В этой связи мы хотели бы всецело согласиться с замечанием одного из анонимных рецензентов «Урал-алтайских исследований», отметившего «сложность семантики футуральности, где сплетаются семы времени, модальности, прагматические установки и подвижность восприятия говорящими окружающей среды и коммуникативных установок».

ральная интерпретация в (47) и ответить на целый ряд сопутствующих вопросов. Мы однако, не будем пытаться решить эту проблему в рамках текущего описания.

Есть и другие интересные проблемы. Если анализ в (55) верен, надо установить, не возможна ли альтернативная конфигурация, где условный компонент присоединяется ниже, чем FUT. Предложение в этом случае должно иметь вид (60a) и интерпретацию (60b):

(60) a. [FUT ... [[Mod [p ∨ ¬p]] [q]]]

b. 'Будет так, что вне зависимости от того, наступит ли p или ¬p, произойдет q'

Помимо этого, целый ряд эмпирических вопросов возникает по части интерпретации условных конструкций с Футурумом 2, в которых представлена эксплицитная условная клауза. Как содержание этой клаузы взаимодействует с имплицитным условием [Mod [p ∨ ¬p]]? Известно, что разные типы условных клауз присоединяются на разных уровнях иерархической структуры предложения. Например, каузальные клаузы ('Если идет дождь, мы не пойдем гулять') располагаются ниже, чем эпифеноменальные ('Если младенец плачет, он скоро обкакается'), ср. контраст в (61)—(62), где местоимение в зависимой клаузе связывается кванторной именной группой в главной:

(61) [?]Если его уронили, каждый младенец плачет.

(62) *Если его стошило, каждый младенец съел что-то не то.

Есть ли у Футурума 2 ограничения, связанные с этими различиями в синтаксисе условных клауз?

Эти и другие вопросы, насколько можно судить, пока не исследовались не только для татарского, но и для других тюркских языков. А это означает, что у исследования, первые результаты которого изложены выше, есть будущее. Возможно, даже не одно.

Сокращения

Глоссы

1 — первое лицо	IPFV — имперфектив
2 — второе лицо	NEG — отрицание
3 — третье лицо	PFCT — перфект
ACC — аккузатив	PL — множественное число
AUX — вспомогательный глагол	POT — потенциалис
COND — кондиционалис	PST — прошедшее время
DAT — датив	SG — единственное число
FUT — футурум	ST — показатель основы
IMP — императив	

Общие

FTRQ — Future Time Reference Questionnaire, [Dahl 1985] TMAQ — Tense-Mood-Aspect Questionnaire, [Dahl 1985]

Литература

- Закамулина 2015 — Закамулина М. Н., Лутфуллина Г. Ф. Семантика и прагматика простых форм будущего времени во французском и татарском языках. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2015. 4. С. 223—227. {*Zakamulina M. N., Lutfullina G. F. Semantics and pragmatics of the simple future tense forms in French and Tatar. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Bulletin, 2015. №4. P. 223—227.*}
- Махмутова 1978 — Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978. {*Makhmutova L. T. A study of Turkic dialects. The Mishar dialect of Tatar. M., 1978.*}
- Пазельская, Татевосов forthc. — Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Ред. Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. М. В печати. {*Elements of Tatar in a typological perspective. The Mishar dialect / Eds. Pazelskaya A. G., Tatevosov S. G. M. Forthcoming.*}
- ПКТЯ — Письменный корпус татарского языка // <http://corpus.tatar/>, 2017. {*Written corpus of the Tatar language // http://corpus.tatar, 2017.*}
- Сахарова 2001 — Сахарова А. В. Настоящее-будущее время (на материале среднеазиатских тюркских языков). Дипломная работа. МГУ. Москва, 2001. {*Sakharova A. V. Present-Future tense (evidence from Middle Asian Turkic languages). Diploma paper. MSU. Moscow, 2001.*}

Сироткина 2000 — *Сироткина Ю. Н.* Категория времени в мишарском диалекте татарского языка. Технический отчет 14-2000. МГУ, филологический факультет, кафедра теоретической и прикладной лингвистики. {*Sirotkina Yu. N.* Tense in the Mishar dialect of Tatar. Technical report 14-2000. MSU, Faculty of Philology, Department of Theoretical and Applied Linguistics.}

ТГ 1993 — *Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Зиннатуллина К. З.* Ред. Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань, 1993. {*Zakiev M. Z., Ganiev F. A., Zinnatullina K. Z.* Ed. Tatar grammar. Vol. 2. Morphology. Kazan, 1993.}

Тумашева 1986 — *Тумашева Д. Г.* Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. Казань, 1986. {*Tumasheva D. G.* The Tatar verb. An attempt at a functional-semantic study of grammatical categories. Kazan, 1986.}

Хисамова 2005 — *Хисамова В. Н.* Глагольная система татарского языка в сравнении с английским языком. Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. {*Khislamova V. N.* Verbal system of Tatar compared to English. Ph.D. thesis. Kazan, 2005.}

Хисамова 2006 — *Хисамова Ф. М.* Татар теле морфологиясе: Югары уку йортлары өчен дәреслек. Казань, 2006. {*Khislamova F. M.* Татар теле морфологиясе: Югары уку йортлары өчен дәреслек. Kazan, 2006.}

Copley 2014 — *Copley B.* Causal chains for futurities // Eds. *De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S.* Future Times, Future Tenses. Oxford, 2014. P. 72—86.

Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.

Dahl (ed.) 2000 — Tense and aspect in the languages of Europe / Ed. *Dahl Ö.* Berlin, 2000.

Haspelmath 1998 — *Haspelmath M.* The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // *Diachronica.* 1998. 15.1. P. 29—62.

Iatridou 2000 — *Iatridou S.* The grammatical ingredients of counterfactuality // *Linguistic Inquiry.* 2000. 31. P. 231—270.

Jendraschek 2014 — *Jendraschek G.* Future tense, prospective aspect, and irrealis mood as part of the situation perspective: Insights from Basque, Turkish, and Papuan // Ed. *De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S.* Future Times, Future Tenses. Oxford, 2014. P. 138—164.

Kratzer 2012 — *Kratzer A.* Modals and conditionals: New and revised perspectives. Oxford, 2012.

Portner 2009 — *Portner P.* Modality. New York, 2009.

Tatevosov 2005 — *Tatevosov S.* From habituais to futures: Discerning the path of diachronic development // Eds. *Verkuyl H., de Swart H., van Hout A.* Perspectives on Aspect. Dordrecht, 2005. P. 181—198.

Vet 1994 — *Vet C.* Future Tense and Discourse Representation // Eds. *Vet C., Veters C.* Tense and Aspect in Discourse. Berlin, 1994. P. 49—76.

РЕЗЮМЕ

В статье обсуждается система грамматических средств выражения временной референции к будущему в мишарском диалекте татарского языка. Как и во многих других языках, эти средства — Презенс, Будущее неопределенное, или Футурум 1, а также Будущее категорическое, или Футурум 2 — имеют пересекающуюся дистрибуцию и практически не образуют минимальных пар. Обсудив наработки, имеющиеся в типологической и формально-семантической литературе в связи с аналогичными системами в других языках, мы предлагаем анализ Будущего категорического в терминах имплицитной кванторной структуры с невыраженным модальным квантором всеобщности. Предложение в будущем времени представляет собой сферу действия этого квантора, а его рестриктор, также фонологически не выраженный, имеет семантику 'не важно, имеет ли место (контекстно-зависимое) положение вещей p'.

SUMMARY

The paper surveys grammatical devices of future time reference in the Mishar dialect of Tatar. As in many other languages, these devices, known as Present, Future I, and Future II, do not manifest clear semantic contrasts and exhibit overlapping distribution. After discussing existing perspectives on similar temporal systems in a variety of languages established in the typological and model-theoretic literature, I propose to analyze Future 2 as involving an unpronounced universal modal quantifier. A sentence in the future tense serves the scope of this quantifier, whereas the restrictor, phonologically silent, is analyzed, informally, as 'no matter whether p', where p is a contextually salient proposition.

Ключевые слова: временная референция к будущему, модальность, квантификация

Keywords: future time reference, modality, quantification

Татевосов Сергей Георгиевич, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

Sergei G. Tatevosov, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com